

Новая жизнь на марше.

Сталинский туризм как «практика пути» *

Как и многие другие явления культуры раннего сталинского общества, пролетарский туризм привлекает современного исследователя прежде всего своей кажущейся абсурдностью. Однако интерес к подобным явлениям вызван и насущными проблемами изучения механизмов власти, особенно власти символа. Пролетарский туризм в этом отношении весьма показателен, поскольку является прекрасным примером модернистского проекта власти, в составлении которого участвовали и «верхи», и «низы», т. е. как держатели идеологических прав, так и «массы», им эти права предоставившие.

Пролетарский туризм¹ как проект был столь же блистательно задуман, сколь блистательно и провалился. Однако почти не оставив по себе памяти в истории, проект, тем не менее, незримо присутствует в способе организации и реализации желаний, в схеме распределения культурного капитала и борьбы за его перераспределение [1], который советский человек еще долго продолжал воплощать в пространстве частной жизни.

Культурные коннотации, на которых зиждился пролетарский туризм, не потеряли своей актуальности и позднее, хотя и приняли другие формы означающих их риторик, ритуалов и форм поведения (например туризм 60-х годов, эмиграция интеллигенции в 70—80-х, бродяжничество постсоветских маргиналов и роскошный туризм «новых русских» в 90-х и т. д.). Пролетарский туризм — поучительный пример, на котором можно изучать способы самоопределения и самоидентификации человека в рамках проекта власти, претендующей как на широкое общественно-историческое пространство Жизни, так и на частное пространство Судьбы.

Источником анализа явились тексты довоенной публикации Общества пролетарского туризма и экскурсий — легендарного журнала «На суше и на море», издания, чрезвычайно популярного среди молодежи довоенного СССР. Воспоминания о нем до сих пор живут в рассказах туристов поколения 60-х годов.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке OS/RSS. Автор выражает благодарность за помощь при подготовке статьи доктору философских наук Н. Козловой, а также академику Ю. Степанову и доктору филологических наук В. Романову.

¹Энциклопедическая справка касательно пролетарского туризма крайне скупа. Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) основано в 1930 году (по другим данным — в 1929 году) постановлением СНК СССР на базе а/о «Советский турист» (1928 год). В 1930 году насчитывало 169 тыс., в 1932 — 937 тыс. членов. Имело 92 туристических базы всесоюзного значения. В дальних и местных путешествиях участвовало 6,6 млн человек. В 1936 году ОПТЭ было расформировано и преобразовано в Туристическо-экскурсионное управление при ВЦСПС [2].

Журнал был закрыт после роспуска самого общества в 1938 году, расстрела его патрона — наркома юстиции и генерального прокурора СССР Н. Крыленко² — и репрессий, постигших некоторых активистов Общества и членов редакционной коллегии. На размышления о культурном смысле туризма меня натолкнул словарь устойчивых сочетаний русского языка³, а также [3]. При составлении словарных статей, содержащих устойчивые сочетания со словами *жизнь*, *смерть* и *судьба*, внимание привлек тот факт, что большую долю среди этих идиоматических сочетаний составляют метафоры жизни как дороги и смерти как конца дороги. Фрагменты анализа идиоматических выражений русского языка, подтверждающего это положение, приводятся в конце данной работы в Приложении.

Концептуальный анализ языковых идиом позволил предположить, что перенос «жизнь: путь» и «смерть: конец пути» является закономерным, что это одна из «метафор, которыми мы живем» [4] в буквальном смысле. Это означает, что и невербальные практики, связанные с дорогой, и текстовые произведения на тему дороги независимо от своего жанра должны нести в себе ту же экзистенциальную значимость, которая позволяет образу дороги накладываться на такие универсальные и первостепенные ценности, какими являются жизнь, судьба и смерть [5]. Именно это соображение заставило меня обратиться к «практике дороги» как к «идиоме культуры», которая сегодня представлена в основном туризмом, а в сталинской довоенной культуре приняла примечательную форму пролетарского туризма.

Туризм как форма миграции и рекреации

С точки зрения демографических процессов туризм можно рассматривать как форму миграции и как форму рекреации [6]. И то и другое мотивируется понятием «качество жизни».

Так, переезд обычно связывается с ожиданиями «лучшей жизни» (эмигранты, лимитчики, работники, выезжающие на Север «за длинным рублем» и т. д.). Однако объективные статистические данные говорят, что такое улучшение, если оно вообще происходит, не столь существенно.

Тем не менее важен социологический мотив миграции: в самом общем виде — это стремление жить более удовлетворяющей в экономическом и политическом отношении жизнью. Именно поэтому ограничение миграции ощущается как репрессия, а режим прописки воспринимается как покушение на право человека жить полной жизнью.

Стремление к полноте жизни характерно и для рекреативной миграции: поездка на курорт, за границу или вылазка за город связываются с новыми впечатлениями, новыми встречами, оздоровлением души и тела. Ожидание новизны, надежда на исцеление, возрождение и очищение — все это бесконечно волнует, зовет в дорогу, заставляет сердце учащенно биться. Здоровое тело, солнце, свежий воздух, сила мускулов — безошибочные симптомы жизни. Рекреация дарует человеку жизнь.

---

² Н. Крыленко (1885—1938) — член первого состава СНК, с марта 1918 года занимался организацией советского суда и прокуратуры, до 1931 года был государственным обвинителем по крупнейшим политическим процессам, в 1922—1931 годах работал председателем Верховного трибунала и был заместителем наркома юстиции, помощником прокурора РСФСР. С 1936 года — нарком юстиции. В 1928—1934 годах возглавлял ОПТЭ, был участником и руководителем научной экспедиции на Памир. С 1929 года — руководитель шахматно-шашечной секции СССР, инициатор международных шахматных турниров 1925—1936 годов. В 1938 году после «сигнала» — статьи Жданова, обвинявшего Крыленко в пренебрежении прямыми государственными обязанностями и в чрезмерном увлечении горными восхождениями, — снят с работы, арестован и вскоре расстрелян как враг народа.

³ «Словарь русских устойчивых словосочетаний» составляется группой исследователей под руководством д-ра филолог, наук, профессора В. Телия.

Для ситуации середины 20-х годов оба демографических процесса — миграции и рекреации — представляли собой реальные проблемы, решить которые хотя бы отчасти был призван и туризм.

С одной стороны, процессы стихийной миграции, начавшиеся в ходе гражданской войны, грозили окончательно выйти из-под контроля и не соответствовали задачам организованного индустриального строительства. Бродяжничество и детская беспризорность достигли невиданных масштабов. Миграцию надо было заключить в разумные рамки. Об этом прямо заявлялось в документах Общества пролетарских туристов [7].

С другой стороны (и тоже в результате национальной катастрофы, в которую вылилось десятилетие войн, революционных событий, голода и эпидемий), здоровье нации находилось в угрожающем состоянии. Проблема элементарного физического выживания была сформулирована в медико-оздоровительном дискурсе, где шел активный поиск новых средств санации. Помимо специальных текстов медико-биологического и эпидемиологического характера, интерес представляет дискурс санитарного просвещения с его призывами к оздоровлению образа жизни, отказу от вредных привычек как пережитков старого общества, пропагандой здорового образа жизни в сексуальной сфере. В этом плане пролетарский туризм можно рассматривать в одном ряду с такими изобретениями 20-х годов, как санитарное просвещение, сексуальное воспитание, профилактика неврозов [8], пропаганда физкультуры и спорта.

Особо следует отметить проблему профилактики алкоголизма и неврозов. Явления «советской утомленности» — чрезвычайно высокой невротизации и связанной с нею алкоголизации и массовых сексуальных расстройств среди мужской части населения — были характерны не только для рядовых членов нового общества [8], но и для высших партийных руководителей, которые не могли примирить опыт, приобретенный на фронтах гражданской войны и в условиях военного коммунизма, с новыми буржуазными ценностями периода нэпа [9]. Нельзя исключать того, что учреждение пролетарского туризма было призвано предоставить невротизированному пролетариату нишу «военного коммунизма понарошку», дать возможность поиграть в войну, организовать энергии невроза и направить их в общественно полезное русло. В передовой статье одного из номеров «На суше и на море» читаем: «Наша эпоха требует ясной мысли, стальных мышц, жизнерадостности и упорства в достижении цели. ...Это качества... необходимые нашей молодежи, стоящей на пороге исторических классовых битв» [10]. Остается только поражаться тому, в какой степени институты ранней сталинской культуры — культуры «сознательности» — изоморфны симптоматике мужского невроза.

Таким образом, пролетарский туризм можно рассматривать как меру цивилизационного и санирующего плана. В качестве такой меры он сочетал в себе мобилизующие, организационные интенции с тенденциями освобождения закрепощенной личности, исцеления измученной неврозами души и изнуренного голодом и болезнями тела. Но этим не исчерпывалось значение данной «культурной идиомы».

Институциональная норма и идеология пролетарского туризма

Рассмотрим институциональную структуру и идеологическое обеспечение пролетарского туризма.

Название «пролетарский туризм» обосновывалось в духе фразеологии того времени: идеи туризма и общества — пролетарские, цели туризма и культура, которой он должен служить, — тоже пролетарские, руководство — пролетарское [11]. Проникнуть в существо этой фразеологии с позиций нашего времени сложно. Но вот документ — отчет о военно-культурном походе курсантов Ленинского учебного городка в Кабардино-Балкарию. Из этого отчета становится ясно, что пролетарский туризм действительно не имел ничего общего с привычными для нас формами рекреации: «В 18 селениях курсантами были сделаны

отчеты о своей работе перед 12 тыс. слушателей. В этих же селениях разными видами культурной работы было охвачено свыше 25 тыс. трудящихся кабардинцев и балкарцев. На беседах, лекциях и докладах присутствовало свыше 7 тыс. человек.

Кроме того, курсантами выпускных групп и преподавателями были проведены ряд обследований, инструктирование местных организаций: ячеек комсомола, пионерских организаций, школ, советов, кооперации, изучалось распространение национальной книги и т. д. ...

...Собрано пожертвований в МОПР 82 рубля и продано мопровской литературы на 3 рубля. Кроме того, обследовано несколько бедняцких хозяйств и батраков» [12].

Менее амбициозные, обыкновенные походы мало подготовленных туристов — чаще ударников производства, которые получали возможность участия в такой «массовке» в качестве награды за труд — обычно проводились по выходным дням и ограничивались выездами в подшефные деревни, где специалисты по сельскому хозяйству знакомили их с ходом трудового процесса, особенностями технологии производства. Затем туристы оказывали посильную помощь в работах, например ремонтируя технику на машинном дворе. Смычка города и деревни завершалась совместным с крестьянами весельем у костра: пением революционных песен, чтением политинформации, выступлением агитбригады и пр. Участники похода обязаны были выявлять и устранять на месте все замеченные недостатки, а если это было невыполнимо, то информировать об этом компетентные органы по возвращении из похода [13]. Именно таким образом мыслилась «пролетарская рекреация», а туризм выполнял роль «одной из тех ступеней, по которым масса совершает свое восхождение к вершинам культуры» [11].

ОПТЭ в программных документах четко формулировало свои идеологические и практические задачи. Больше всего руководство общества опасалось бюрократизма: нельзя было допустить, чтобы деятельность общества ограничивалась только хозяйственными задачами и устранилась бы от политического влияния. В своем докладе «Боевые задачи» [14] на пленуме Центрального совета ОПТЭ в 1933 году Крыленко призвал общество «рассматривать свою работу как метод социалистического строительства». Политическая работа была провозглашена основной целью общества.

Исключительная роль отводилась пролетарскому туризму в повышении обороноспособности и милитаризации страны [15]. Пролетарский туризм — орудие пролетариата в мировой революции не только как средство идеологической пропаганды, но и как полувоенная структура с жесткой дисциплиной и культом здорового сильного тела. Дискурс телесности — а вместе с ним и мотив совращения [16] — подключается к контексту пролетарского туризма именно в модусе «готовности к войне».

По-видимому, пролетарский туризм обладал способностью неудержимо манить и привлекать блеском новизны — невиданного ранее образа жизни, новыми идеями, новыми отношениям между товарищами по походу. Он будил желание иной жизни, звал перевернуть страницу, зачеркнуть все, что было прежде; обещал товарищескую помощь и поддержку в осуществлении этого, казалось бы, простого шага — присоединиться к общему движению молодого, красивого, здорового и жизнерадостного большинства к какому-то неизвестному, но определенно светлому будущему. Хотя документы предписывали пролетарскому туризму прежде всего функцию агитации и убеждения, его сила была и в совращении, которое несли с собой речи туриста-просветителя, сам его образ — молодого, сознательного, здорового, счастливого, уверенного в своей правоте и несказанно современного ангела мировой революции: «Гордость туристов — в том расположении масс, которое они завоюют для партии и советской власти» [17].

Как свидетельствуют фрагменты переписки журнала «На суше и на море» с читателями, «масса» отвечала на это искушение горячим желанием быть частью общего движения. Любовь к самому изданию — лишь одно проявление этого

желания. Читатели высказывают трогательные рекомендации любимому журналу: пусть картинки будут чуть почетче, бумага чуть получше, а цена — на пять копеек ниже [11, с. 2, 3 обл.]. И пусть печатают романы с продолжением. Но, добавляют читатели, не надо никакой империалистической пропаганды в виде переводных приключенческих романов «про Африку, индейцев и львов». Читатели хотят знать больше о просторах родной страны и о тех простых людях — пролетарских самодеятельных туристах,— которые эти просторы мужественно борздят.

Пролетарский туризм был удачным сочетанием телесного наслаждения отдыхом, духовного удовлетворения от сознания своей миссии и радости социального взаимодействия на совершенно новых, остроактуальных, современных началах. Чувство, которое рождалось в душе туриста от подобных соблазняющих мотивов, выражено безымянным автором «Отчета о военно-культурном походе...»: «Цифровой итог далеко не говорит о той большой работе и о том значении, которое имел военно-культурный поход. Есть такие вещи, которые цифрой не выразишь» [17].

Культурная коннотация. Мифология дороги: «то, что не выразишь цифрой»

То дорожное волнение, которое знакомо даже пассажиру пригородной электрички и которое так ясно читается и в сухих отчетах о путешествиях, представлявшихся туристами в ячейки ОПТЭ, связано, как я предполагаю, с экстазом коллективного переживания культурной коннотации Пути. Телесное наслаждение и удовлетворение от приобщенности к социальному большинству — эти невинные радости жизни не идут ни в какое сравнение с тем счастьем, что дается переживанием причастности длительной, уходящей к самым корням духовной традиции, воплощенной в культурной коннотации. Культурная коннотация ритуала — сумма исторически сложившихся культурно значимых валеров, составляющих коллективное подсознание языковой общности. Именно внутренняя форма ритуала — в данном случае дорога — служит той средой (или тем инструментом), при помощи которой происходит трансляция культурной коннотации. Путь становится не просто образом, но носителем культурно значимого смысла, а любая физическая дорога (железная, асфальтовая, проселочная, пешая тропа, водный или воздушный путь и т. д.) от взаимодействия с Путем⁴ приобретает признак сакрализованного объекта, или фетиша. Выражаясь терминами лакановского психоанализа, Реальное (порядок потребности) превращается в Символическое (порядок культуры).

Культурные коннотации туристического маршрута, безусловно, рождаются в результате взаимодействия практики похода с освященными мировой традицией прототипами — странствиями Одиссея или Энея, хождением Богородицы по мукам и Крестным путем, с духовными медитативными практиками Дао или паломничества, миссиями Крестового похода и духовного странничества и др. О мотиве Пути как эквиваленте духовного преображения можно говорить и применительно к религиозной литературе, и в отношении светских текстов, например романов дороги и дневников путешественников. Коннотация духовного следования по пути преодоления жизни тела к торжеству жизни духа (или, иными словами, от жизни телесной, т. е. духовного небытия — к возрождению в Боге, т. е. физическому умиранию), пути следования по направлению к Небесному Иерусалиму, несомненно, присуща и туристическому походу.

Удовольствия телесного плана в туризме тесно переплетаются с некоторым как бы беспричинным восторгом духовного уровня, который вызывается коннотациями духовного возрождения и неизбежного при этом умирания физического

⁴ О мифологии Пути см., например, [18].

тела.
Перспектива путешествия волнует именно этим желанием Дороги — желанием физической смерти, воплощенным в маршруте экстазом Эроса/Танатоса. Подобно духовному страннику, турист покидает тесную оболочку привычного низкого быта, оболочку комфортной, развращенной городской жизни — т. е. покидает физическое тело — и устремляется экстатическим духом в пронизанное светом пространство Подлинного, Природного, Истинного.

При этом в качестве медитации духовный путь — как и туристический маршрут — не есть путь куда-либо. Его физическая конечная точка достаточно условна, а скорость прохождения маршрута вообще несущественна (если речь не идет о чисто спортивном туристическом соревновании); имеет значение только сложность маршрута, т. е. труд, который затрачивается на преодоление препятствий. Физические лишения, претерпеваемые туристом во время похода, — необходимая плата за возрождение духа, достигаемое в конце Пути. В этом отношении прохождение маршрута подобно духовной концепции проживания человеком физической жизни: последняя есть труд по преодолению плена телесности, отработка тяжкого урока физической жизни ради награды духовного бессмертия.

Пролетарский туризм по своему культурно-историческому прототипу может быть справедливо отнесен к разряду крестовых походов. Это движение солдат духовного воинства, высокое призвание по обращению неверных («массы»), просвещению жаждущих света: они несли в массы «не мир, но меч» — святую идею мировой революции. Именно этими культурными коннотациями туристический поход освящался как миссия, а само ОПТЭ — как своего рода святое братство. Миссионерство в данном случае и есть то самое пространство желаний, в которое вкладываются творческая инициатива субъекта, его вера и сила духа. Идеологическая борьба как конкуренция

означающих: политика и закон экономии выразительных средств

Можно предположить, что пролетарский туризм в довоенной сталинской культуре принял на себя освященные длительной культурной традицией функции означавшего Пути. В этом плане борьбу, которую пролетарские туристы вели на идеологическом фронте, интересно рассмотреть как *борьбу Означающих* за право выражать собой этот поистине вселенский общечеловеческий смысл.

Судя по публикациям «На суше и на море», таких *Означающих* — конкурентов в борьбе за право выражения идеи духовного Пути — в современной пролетарскому туризму ситуации у ОПТЭ было три.

Первое — собственно церковная практика паломничества. Разоблачение религии как дурмана записано в программе пролетарского туризма [19, 20]. В рамках антирелигиозной пропаганды предпринимались поездки в еще действовавшие монастыри с целью «уяснить грандиозную махину по одурачиванию масс, посмотреть технику обработки забытых крестьян». В описании этой поездки привлекает внимание эпизод, в котором громадная массовка — 650 человек, с революционными песнями направляющиеся по дороге в Киево-Печерскую лавру — встречается с паломниками, голодными крестьянами, влекущимися туда же на богомолье. «Бурное течение массовки быстро и шумно пронеслось мимо унылого ручейка богомольцев, точно не замечая их. Только указание руководителя: „Смотрите, они тоже (Sic!) идут в лавру“ заставляет на миг обратиться в их (богомольцев) сторону» [19]. Столкновение пролетарской массовки с шествием богомольцев — это чудом сохранившееся свидетельство случайной встречи двух *Означающих* — паломничества и турпохода, претендующих на выражение одного и того же Смысла — духовного Пути. Метафора-победительница с торжеством наблюдает гибель метафоры-побежденной. Закон экономии выразительных средств действует не только в структуре языка, но и в области символического оформления идеологического конфликта.

Вторым конкурирующим *Означающим* Пути в современной пролетарскому туризму реальности можно считать бродяжничество. Войну против бродяжничества ОПТЭ начинает в 1929 году. Пролетарские туристы осуждали бродяжничество как пережиток капиталистического прошлого, как крайнее проявление буржуазного индивидуализма, неорганизованной и несанкционированной миграции. Бродяга распространяет среди неграмотного населения нелепые слухи и суеверия, тем самым препятствуя миссии туриста, призванного нести в массы подлинное знание[7].

Беспокойство пролетарских туристов по поводу бродяжничества имело все основания, если учесть претензии туризма на монополию как означающего Пути, а также вспомнить, что в России по традиции эта монополия принадлежала именно бродягам (начиная с великого народного философа-странника Г. Сквороды и бесчисленных странников-проповедников XVIII—XIX веков до великих бродяг — реформаторов духа М. Горького, А. Добролюбова и В. Хлебникова). Борьба туризма с бродяжничеством была также борьбой Форм за выражение Смысла, борьбой метафор за право отмечать высокозначимую культурную коннотацию.

Наконец, третьим и самым анекдотическим направлением идеологической борьбы пролетарского туризма была борьба против «буржуазного», а позднее — «социал-демократического» туризма стран Запада [21]. «Буржуазный» туризм — оружие империализма и колониализма, признак экономического загнивания Запада. «Социал-демократический» — соответственно, средство одурачивания масс, отвлечения пролетариата от насущных проблем классовой борьбы: «Наш туризм, в отличие от буржуазного и мещанского, является формой культурной революции...» [21]. Впрочем, претензии пролетарского туризма на роль мирового господствующего символа были безосновательны, а его борьба на интернациональном фронте являлась, скорее, данью общегосударственной политической риторики.

Таковы вкратце коннотативная структура и мифология пролетарского туризма. Экстаз переживания Пути во всем богатстве его культурных коннотаций, с одной стороны, и ожесточенная борьба всего движения как формы *Означающего* за монопольное право сигнификации этих коннотаций, с другой стороны, — вот внутренний бессознательный мотив, движущая сила компромиссного продукта сталинской машины управления, которая пока только набирала обороты в совращении одних и подавлении других.

Этика и эстетика туризма. Туризм и инвестирование желания. Турист как культурный герой

Я попыталась показать пролетарский туризм как инструмент воздействия, сочетавший в себе силовую идеологическую обработку (милитаризм, военно-культурный поход и пр.) с более тонкими методами совращения через новизну дискурса здорового тела, а также через мифологические коннотации, ставящие туризм в ряд духовных практик Пути.

К сожалению, журнал «На суше и на море» почти не дает ответа, как на такой искусственно реактивный рядовой человек. Со страниц журнала с читателем говорит преимущественно голос института, а не рядового участника. В тех сведениях, которые все же просачиваются сквозь идеологическую цензуру, нет ничего принципиально нового: пока идеолог формирует риторические приемы пропагандистской или агитационной апелляции к индивидууму, последний ищет способ воспользоваться идеологическим аппаратом для извлечения хотя бы «маленькой пользы» для себя лично. В журнале часто печатаются разоблачительные материалы о «примазавшихся» к шестивию пролетарских туристов [22]; публикуются данные о многочисленных жульничествах и растратах среди чиновников общества.

Однако эти случаи — скорее, исключения в игре человека с идеологической машиной. Интуиция подсказывает, что индивид в данной игре будет стремиться

посильно одухотворить эту машину, а не перехитрить ее. Догадываюсь также, что **такое** одухотворение на уровне «корней травы» должно принимать форму фольклорного творчества, что идеологически санкционированное и мифологически оформленное представление о жизни как пути-походе должно получить еще и какое-то подкрепление в виде наивной версии событий, наивной картины мира, наивной героизации участников. Иными словами, в текстах «На суше и на море» не хватает нарратива. Восстановить его отчасти можно лишь в опосредованной форме, опираясь на походные байки и походные песни — городской фольклор туристов послесталинской формации.

К сожалению, анализ этого источника не вмещается в рамки данной статьи. Тем не менее предварительные наблюдения позволяют предположить наличие некоей «наивной географии» СССР и связанного с ней образа туриста как культурного героя. В корреляции с направлением маршрута, по-видимому, находится комплекс желаний, инвестируемых в туристический поход как индивидуальный проект. Я имею в виду этические и эстетические коннотации, которые в туристической риторике приписываются сторонам света, а также движению по горизонтали и вертикали (направленному вверх и вниз, соответственно)⁵.

Не вдаваясь в подробности, хотелось бы подчеркнуть, что сам жест совершения «хождения» несет в себе смысл эмфатического выделения, экспрессивного усиления по отношению к обыденности; это акт возведения смысла туристического похода над смыслом обыденного знака. Проживание опыта туризма — это «усиленное» проживание опыта жизни и смерти.

***

Итак, с моей точки зрения, при подходе как к «идиоме культуры» пролетарский туризм перестает казаться абсурдом и экзотикой; наоборот, выявляется свойственная ему, но незаметная при поверхностном взгляде внутренняя логика — логика изящно сконструированной цивилизационной «машинки». Сочетая в себе интенцию институционального нормирования, с одной стороны, и возможность телесного духовного умиротворения — с другой, пролетарский туризм предстает наглядной иллюстрацией теории цивилизации Н. Элиаса [24].

В то же время от других цивилизационных мер эпохи *Modernity* пролетарский туризм отличает невероятно драматичное соединение неоглядной готовности к насилию с высокой духовной зараженностью энергией архаической духовной традиции, культурными коннотациями отрешенности от тела и бессмертия души. Как кажется, именно этот безошибочный и явственный привкус физической смерти и придает солнечной культуре эпохи раннего соцреализма столь неустойчивую притягательность.

Однако исследователь не может ответить на этот призыв соответствующим эмоциональным порывом. Задача исследователя — противопоставить возвращению интерпретацию. Я попыталась показать, что «вольный ветер эпохи» — это на самом деле модель распределения и взаимного дополнения речевых практик; не хаотичное, но внутренне логичное совмещение текстовых поверхностей. На каждом уровне анализа значения я опиралась на разные корпуса устных и письменных текстов, которые в сумме дали неповторимое созвучие командно-административного тона с голосом индивидуального желания, голоса института с фольклорным мотивом, артикуляции власти с контрапунктом высокой культурной ценности... Такие созвучия в теории языка называются идиомами. Опыт анализа идиомы в применении к описанию культурной практики может открыть новые возможности интерпретации.

⁵ О «народной мифологии» туризма более подробно см. готовящуюся публикацию [23].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Концептуальный анализ: метафора жизни как дороги и смерти как конца дороги в идиоматических выражениях русского языка

Хотя и жизнь, и смерть являются, строго говоря, временными понятиями, метафорически они переосмысливаются в виде пространства, причем замкнутого пространства, остановки на пути странника, того, куда приходят или откуда уходят: *вступить в жизнь, прийти в жизнь, уйти из жизни, стоять на пороге жизни, находиться у врат смерти*. Каждый важный для человека временной этап мыслится как вхождение в новое пространство: *вступить в трудовую жизнь, стоять на пороге новой жизни, перевалить за середину жизни* (как если бы через горный перевал в долину), *перед ним распахнулись бескрайние просторы жизни, ему открылись новые жизненные горизонты* (последнее говорится о духовном возрождении, начале «новой жизни»). Смерть — это также уход (исход) в новое пространство, пространство Иного (*стоять на пороге/у врат смерти, уйти в мир иной, уйти /отправиться к праотцам*).

Особая форма времени—пространства — метафорический путь, в том числе водный. Траектория движения по этому пути, «расписание» движения и обстоятельства, которые сопутствуют передвижению по нему,— параметры, которые довольно подробно расписываются языковыми метафорами. Так, например, «расписание» движения, его нарушение или соблюдение — метафорическое обозначение способности человека жить актуальными проблемами своего времени, метафора современности или, наоборот, устарелости жизненного принципа: *отстать от жизни (ср. обогнать свое время), идти в ногу с жизнью, догнать жизнь* и др.

Темп жизни, т. е. насыщенность условной единицы времени событиями, метафорически представляется по аналогии с насыщенностью трафика или полнотой течения реки: *размеренное /замедленное течение жизни, жизнь вошла в нормальное русло/в свою колею, бег жизни* и др. Несоответствие между реальным временем и внутренним временем, как оно ощущается отдельным человеком, отразилось в метафоре скорости: *жизнь пролетела/промчалась/пронеслась/протекла* и др. Метафора пути вызывает представление о наличии направления движения (*пройти долгий жизненный путь от «входа» к «выходу»*, т. е. от рождения к смерти), а вектор направления движения понимается как *цель* или *смысл жизни* (ср. *Куда мы идем!* и *Ведет ли эта дорога к храму?* — риторические формы вопрошания об исторической судьбе России).

Языковой метафорой предусмотрена и форма траектории: о человеке, прожившем трудную жизнь, в которой были и поражения, и победы, и отступления, можно сказать, что *его судьба была извилистой*; человек, который знает, чего хочет, и имеет достаточно силы воли, *идет к своей цели прямой дорогой*; человек принципиальный *не уклоняется от прямого пути, не выбирает обходные пути, не идет в обход*. Эти метафоры описывают образ жизни как реализацию моральных принципов. Обстоятельства жизни предстают в языковой метафоре как *путевые встречи и приключения*. Так, на *жизненном пути* (или *житийских перекрестках*) человеку может *сопутствовать удача* или его *преследуют неудачи, смерть гонится за ним по пятам* и часто *настигает*; на *жизненном пути* происходят и *встречи, и расставания (встретить свою судьбу, их судьбы/пути перекрестились/пересеклись/сошлись/ разошлись, они разошлись как в море корабли)*. Той же логикой метафоры пути диктуется и этическая норма: *предосудительно вести беспутную жизнь, распутную жизнь, опасно оступиться/споткнуться в жизни, сойти с прямого пути, отклониться от пути истинного*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdieu P. La distinction. Critique social de jugement. Paris, 1979.
2. БСЭ. М., 1977. Т. 26. С 332.
3. Teliya V., Bragina N., Oparina K, Sandomirskaya I. Phraseology as a Language of Culture // Phraseology. Ed. by prof. A. P. Cowie. Oxford (in print).
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980.
5. Понятие судьбы в контекстах разных культур. М., 1994.
6. МСЭ. I изд. М., 1931. Т. 9. С. 25, 26.
7. О борьбе с бродяжничеством под флагом туризма. Открытое письмо редакциям газет и журналов // На суше и на море. 1929. № 10. С. 15.

8. *Бернстайн Ф.* Паника, половой вопрос и проблема мужской сексуальности в консультации по половой гигиене. Материалы Международной междисциплинарной конференции «Российская повседневность 1921—1941 гг. Новые подходы». СПб., 1994 (ротапринт).
9. *Залкинд А. Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924.
10. На суше и на море. 1929. № 1. С. 12.
11. На суше и на море. 1929. № 3. С. 10.
12. На суше и на море. 1929. № 12. С. 4, 5.
13. На суше и на море. 1930. № 9. С. 18, 19; 1930. № 14. С. 16; 1930. № 23. С. 6, 7; 1931 № 15. С. 10, 11; 1933. № 7. С. 4 и др.
14. *Крыленко Н. В.* Боевые задачи // *Гурвич Л.* Выше качество туристской работы. М., 1933.
15. На суше и на море. 1930. № 3.
16. *Baudrillard I.* Seduction. New York, 1990.
17. *Антонов-Саратовский В. А.* Туризм, партия и государство // На суше и на море. 1930. № 16. С. 1, 2.
18. *Топоров В. Н.* Путь. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 352, 353.
19. *Новицкий Р.* Туризм и антирелигиозная пропаганда // На суше и на море. 1929. № 11. С. 3 обл.
20. На суше и на море. 1929. № 7. С. 10, 11.
21. На суше и на море. 1930. № 2. С. 1, 2.
22. На суше и на море. 1930. № 1. С. 1, 2; 1930. № 15. С. 2; 1930. № 14. С. 16; 1933. № 16. С. 1, 2.
23. *Sandomirskaya I.* A New Life on the March. Stalinist Tourism as a Practice of the Road // *Soviet Everyday Life. 1921 —1941. New Approaches.* Ed. by Eric Naiman and Kristina Kiaer. Vale Univ. Press, (in print).
24. *Elias N.* The Civilizing Process. V. 1, 2. Oxford, 1978, 1982.

© И. Сандомирская, 1996